

10 ИЮНЬ 1972

ВЕЧЕРНИЙ СВЕРДЛОВСК

ПРАЗДНИК МУЗЫКИ

(Последние концерты сезона)

Свою приверженность к большому искусству свердловские любители музыки выказывали не раз. Но если бы понадобились тому новые подтверждения, недавние филармонические вечера дали бы их с лихвой. В знойные дни, когда по давно установившимся канонам зрителей привлечь непросто, зал филармонии из вечера в вечер был полон. Да, в зале было душно, зато музыке в нем дышалось вольготно.

Программа вечеров, завершавших концертный сезон, была лишена трафарета. То была серьезная программа, полная уважения к слушателям. Более того — предлагавшая их восприятию немалую нагрузку, совсем не «летнюю». Это прежде всего относится к Пятнадцатой симфонии Д. Шостаковича, впервые исполненной в Свердловске оркестром филармонии (дирижер — Н. Чунихин). Выбор одной из лучших советских симфоний, звучавшей пока лишь в Москве и Ленинграде, был на редкость удачен. И для исполнителей, и для слушателей то был своеобразный экзамен — ведь Шостакович

обращается к слушателям задумчивым, пытливым. Шостакович никогда не снижает свое искусство до упрощения — он пишет так, чтобы слушатели тянулись к высокой простоте, к той философской значительности, которой отмечены сочинения великого композитора нашей эпохи. Невольно думалось о том, как выросли наши слушатели, восторженно принимавшие Пятнадцатую симфонию Шостаковича, как само понятие «Свердловск» — город музыкальный — обновляется, становится богаче...

Алексее Толстому принадлежат слова о том, что Шостакович «прильнул ухом к сердцу родины» — они были сказаны о бессмертной Седьмой симфонии, запечатлевшей подвиг советского народа. Но эти слова могут быть отнесены ко всем симфониям Шостаковича — художественным документам нашей эпохи. Ведь гражданская страстность, открыто общественный характер творчества позволили Шостаковичу стать летописцем времени. Полна жизни и Пятнадцатая симфония. И в ней соседствуют высокая драма с улы-

бой, а трагические образы сменяются страницами лирики.

Когда-то Генрих Нейгауз обронил меткое замечание: «Рассказанная музыка — что описанный обед, все равно сыт не будешь». Пересказывать симфонии Шостаковича, конечно, невозможно — их надо слушать. Тогда откроются и особая глубина мысли, и накаленность чувств, сплывенных воедино... Но об одной особенности симфонии упомянуть необходимо. В ней, будто воспоминания, мелькают темы, созданные Россини и Вагнером, — они вплетены в ткань симфонии. (Речь идет о так называемом приеме «коллажей», очень распространенном в наше время, а отнюдь не о «заимствованиях», ведь тематический дар Шостаковича поразительно щедр!) Включение в программу блестящей увертюры к опере Россини «Вильгельм Телль» оказалось очень уместным, создав тематическую «арку» концерта, светлую, жизнерадостную...

Пятнадцатая симфония представляет значительные трудности для воплощения.

Тем отраднее, что и оркестр, и дирижер Нариман Чунихин проявили подлинную художественную заинтересованность, чувство творческой ответственности, высокой профессионализм. Наш симфонический оркестр очень силен по составу, хотя преобладает в нем молодежь. А когда игра хороших музыкантов освещена общностью замысла и увлеченностью — лучшие качества коллектива и его руководителя проявляются в полной мере. Чувствовалось, что и дирижер, и оркестр по-настоящему увлечены музыкой, — и это чувство передавалось аудитории. В убедительной передаче Пятнадцатой симфонии ощущался большой труд всего коллектива, но нельзя не упомянуть особенно удачно прозвучавшие сольные эпизоды у А. Вольпера (тромбон) и М. Аусдайчера (скрипка).

Подлинным украшением сезона явились выступления заслуженного артиста РСФСР Станислава Нейгауза. Встреча с этим тончайшим художником — всегда откровение. Мы слышали за последнее время многих пианистов — первоклассных музыкантов, отлично владеющих роялем. И все же... Мы стали как-то отходить от столь эмоционально наполненной, душевно щедрой и одновременно гармоничной игры. Огромный успех у слушателей, который имел С. Нейгауз и в симфонических вечерах, и в сольном концерте, подтвердил, что истинно прекрасное

не может быть вне высшей гармонии чувства и интеллекта. И с такой гармонией мы имели радость встретиться в эти вечера, которые останутся незабываемыми. Думаю, что не только мне в игре С. Нейгауза и слышался, и виделся облик его великого отца — корифея советского пианизма. Художник, артист — и над всем этим поэт. Но в чем-то сын сейчас даже превзошел отца — я имею в виду безотказность пианизма, стихию виртуозности. Так свежо, будто впервые, прочитать Второй концерт Рахманинова — один из самых «заигранных», репертуарных — дано лишь артисту необычайно поэтичному и масштабному.

Пятая соната Скрябина, «Экспромт» Шуберта и особенно неотразимо захватывающая передача мазурок и Четвертой баллады Шопена — каждое из этих исполнений было на вершине искусства.

И. ЗЕТЕЛЬ,
и. о. профессора
Уральской консерватории.